

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П. Аникиев

Апология мистики по творениям преп. Симеона Нового Богослова

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1915. № 4. С. 545-561.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Апологія мистики по твореніямъ преп. Симеона Новаго Богослова *).

ТО релігійно-філософское ученіе объ экстазѣ должно провѣрить ученіемъ библейски-святоотеческимъ. Въ Св. Писаніи можно найти слѣдующія указанія на экстазическія состоянія: въ Ветхомъ Завѣтѣ, напр., псалмы XXX, 23 и CXV 1—3, Іезекииль, VIII, 1—3; Данииль, X, 8 и сл.; VIII, 17—27 и др.; и въ Новомъ Завѣтѣ—особенно Д. А. X, 9 и сл.; Д. А. XXII, 17—21 и 2 Кор. XII, 1—4, гдѣ содержатся описанія экстазовъ, пережитыхъ апостолами Петромъ и Павломъ ¹⁾; изъ св. отцовъ о состояніяхъ релігійнаго мистическаго экстаза большею частью писали, конечно, св. отцы-аскеты, какъ преп. Макарій В., Нилъ Синайскій, преп. Симеонъ Н. Б. и др. особенно же подробно раскрылъ ученіе о мистическомъ экстазѣ преп. Исаакъ Сиринъ ²⁾; наконецъ много матеріала

*) Продолженіе. См. мартъ.

¹⁾ Ср. Zahn. Einführung in die christ. Mystik. S. 462—467.

²⁾ См. въ изслѣдованіи проф. С. М. Зарина. Аскетизмъ по православно-христіанскому ученію. Т. I, кн. 2-я, СПб. 1907, стр. 460—463: по ученію преп. Исаака С., отъ внутренней, „чистой“ молитвы человѣкъ возносится Св. Духомъ „къ созерцанію“, которое называется „духовнымъ видѣніемъ“, „умнымъ видѣніемъ“, „разумленіемъ“ или „восхищеніемъ“, „экстазомъ“. Въ этомъ состояніи „экстаза“ въ человѣкѣ не дѣйствуетъ какое-либо движеніе и память о здѣшнемъ..., уже молитва оставляется—и „не молитвою молится умъ, но бываетъ въ восхищеніи при созерцаніи непостижимаго и умолкаетъ въ невѣдѣніи всего здѣшняго. Но это невѣдѣніе выше вѣдѣнія... Иное дѣло молитва, а иное—созерцаніе въ молитвѣ, хотя созерцаніе заимствуетъ себѣ начало въ молитвѣ, а равно и молитва—въ созерцаніи“... Въ состояніи „экстаза“ природа не въ си-

по этому вопросу находимъ мы и у нашего отечественнаго подвижника послѣднихъ временъ, преосвящ. Теофана Затворника, богословствующаго въ строго-святоотеческомъ направленіи ¹⁾. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, экстазъ (экста-

лахъ имѣть надъ собою власти, „но путеводится иною силою, сама не зная куда, и не можетъ совершать движеній мысли, въ чемъ бы ей хотѣлось“. Тогда человѣкъ не имѣетъ и хотѣнія. Онъ настолько плѣненъ, что „не сознаетъ самъ себя“. Умъ „поражается и поглощается изумленіемъ, забываетъ о собственномъ своемъ прошеніи, и въ глубокое упоеніе погружаются движенія его“. Это состояніе—собственно принадлежность будущаго вѣка.—По ученію Св. Писанія нѣтъ безсознательнаго экстаза: такъ разъясняется у проф. Зарина (см. *ibidem*, стр. 466 примѣч. видѣніе ап. Павла (2 Кор. 12, 1—4) и такъ, по нашему разумѣнію, должно понимать и ученіе преп. Исаака объ экстазѣ, именно—пункты о „неподвижности ума“, „о плѣненіи его“ и о „незнаніи себя“: здѣсь прежде всего 1) констатируется совершенное поглощеніе вниманія созерцаемымъ и его необычностью; 2) забвеніе о себѣ, во остается принципиальная возможность самосознанія и, если нужно, то человѣкъ можетъ опознать себя, возвратиться въ себя; кромѣ того, 3) здѣсь—безусловное выходженіе за предѣлы теперешняго существованія и приобщеніе къ *новому порядку* и жизни, и познанія, слѣд. и соотношенія субъекта и объекта, самосознанія къ Абсолюту. Вообще, здѣсь больше основанія сближать ученіе преп. Исаака съ данными Св. Писанія и, въ частности, ап. Павла, чѣмъ съ воззрѣніями неоплатонизма (см. Заринъ, стр. 467 прим.), такъ что относительно даннаго пункта въ ученіи преп. Исаака С. можно повторить слова проф. Зарина относительно 2 Кор. 12, 4: „въ экстатическомъ состояніи духовная личность апостола оставалась неприкосновенною; его самосознаніе не помрачалось и не ослаблялось, а, напротивъ, достигало высшей степени интенсивности. Если же апостолъ не зналъ и не могъ сказать, въ тѣлѣ ли или же внѣ тѣла онъ испыталъ такое экстатическое состояніе, то это обстоятельство свидѣтельствуешь только о силѣ сосредоточенности его сознанія и вниманія на открываемыхъ ему истинахъ, такъ что тѣлесная жизнь не заявляла о себѣ какими-либо ощущеніями, которыя бы могли отвлечь вниманіе апостола отъ его сосредоточенности на созерцаніи высшихъ тайнъ“, см. стр. 465—466, прим. 38-е. Такъ же можно понимать и ученіе преп. Исаака о „неподвижности ума“, его бездѣйственности и связанности въ состояніи мистическаго экстаза.

¹⁾ См. „Письма о духовной жизни“, „Начертаніе христ. нравоученія“ и „Путь къ спасенію“. Изъ перваго сочиненія еп. Теофана мы можемъ извлечь для ученія объ экстазѣ слѣдующія данныя: сущность созерцательной или духовной молитвы (т. е. экстаза въ положительномъ смыслѣ)—плѣненіе ума въ горній міръ (45), все въ душѣ молчитъ, какъ бы нѣтъ въ ней ничего опредѣленнаго (49); эта молитва подается по временамъ избраннымъ Божиимъ (113), и есть высшее состояніе молитвенное (132); если экстазъ (ложный) есть умоизступленіе, самозабвеніе и утрата власти надъ собой (154—155), то созерцательная молитва (или

изумленіе, соединенное часто съ ужасомъ, вызванное созерцаніемъ высочайшихъ духовныхъ предметовъ; невыразимое никакимъ словомъ, ибо это состояніе возвышается надъ порядкомъ естественнымъ и всецѣло подавляетъ въ человѣкѣ чувственную жизнь,—и дѣлающее человѣка блаженнымъ участникомъ сверхчувственного бытія. Въ Св. Писаніи это состояніе называется „экстазомъ“ (Д. А. X, 9—10; XXII, 17—21), „восхищеніемъ до третьяго неба“, „восхищеніемъ въ рай (2 Кор. XII, 1—4), „нахожденіемъ въ духѣ“ (Апок. I, 10); у преп. Исаака С.—„созерцаніемъ“, „духовнымъ видѣніемъ“, „умнымъ видѣніемъ“, „вѣдѣніемъ“, „восхищеніемъ“ или экстазомъ, изумленіемъ (ἐκπλήξις), а у еп. Теофана—созерцательной или духовной молитвой, вѣнцомъ умной молитвы, изумленіемъ, плѣненіемъ въ созерцаніе, созерцаніемъ Бога, погруженіемъ въ Безпредѣльнаго, выходженіемъ изъ себя, исчезновеніемъ въ глубокомъ изумленіи (въ извѣстномъ смыслѣ)—„исчезновеніемъ въ Богѣ“, при чемъ еп. Теофанъ сознательно и очень старательно отли-

экстазъ истинный) не есть въ собственномъ смыслѣ экстазъ, а „изумленіе“, „плѣненіе въ созерцаніе“ (166); она дается, а не искусственно добывается (215), она—рѣдкій даръ (215), чужда экзальтаціи (223); она не есть безмысліе, а умное предстояние Богу (228); въ ней «самозабвеніе»—лишь въ смыслѣ прекращенія самовольнаго движенія душевныхъ силъ (250), дѣйствія же духовныя не останавливаются, а объединяются опредѣленнымъ духовнымъ предметомъ въ созерцаніи (251).—Изъ „Путешествіи спасенію“: безмолвіе и совершенное безпопеченіе приводятъ къ безстрастію или серафимовской чистотѣ, за коимъ слѣдуютъ богообщеніе и боговселеніе, т. е. всецѣлое соединеніе съ Богомъ. Восхищеніе есть вѣнецъ умной молитвы, см. стр. 308 и сл.—*Начерт. христ. нравоуч.*: цѣль всего для христіанина—жизнь въ Богѣ, пребываніе въ Немъ, гдѣ намѣчаются такія ступени: хожденіе предъ Богомъ, радостное богохваленіе, благоговѣйный страхъ и изумленіе, въ коемъ—какъ бы замираніе жизни, перенесеніе за предѣлы міра, погруженіе въ созерцаніе Божественной безпредѣльности (какъ бы въ нѣкоторый мракъ), налагающей молчаніе на слова и мысль, см. стр. 382 и сл. 390, 404—405.—Слѣдов., и въ ученіи еп. Теофана объ экстатическомъ состояніи видимъ такъ же—1) указаніе на сохраненіе въ экстазѣ личности, самосознанія (см. Письма о духовной жизни, 42); 2) отрицаніе механичности и экзальтированности въ подлинномъ экстазѣ (см. тамъ же, стр. 43, 215, 223) и 3) указаніе именно „духовности“ этого состоянія (а не душевности его, вотъ почему душевная жизнь человѣка въ экстазѣ понижается, уменьшается при повышеніи жизни духовной), указаніе на его особую, т. е. несвойственную нашей чувственности, сокровенность; констатированіе безобразности, а не бессмысленности экстатического познанія (тамъ же, стр. 228, 249—251).

часть это благодатное духовное состояніе отъ экзальтированнаго природнаго экстаза нецерковныхъ мистиковъ (см. Письма о духовной жизни, стр. 223 и др.). Какъ видно, по библейски-святоотеческому пониманію, экстазъ находится въ тѣсной связи съ молитвой, именно—онъ высшая ступень молитвы вообще, „молитва совершенныхъ“ (Нилъ С., Іоаннъ Л.), „духовная“ (Макарій В.) или „созерцательная“ (еп. Теофанъ) молитва ¹⁾). Ни въ Св. Писаніи, ни въ отеческихъ твореніяхъ мы не находимъ данныхъ для ученія объ экстазѣ, какъ состояніи всецѣлой отрѣшенности отъ собственной личности, сопровождающейся полнымъ подавленіемъ дѣятельности разума и свободы и совершеннымъ помраченіемъ самосознанія ²⁾). Суть истиннаго мистическаго экстаза, по слову преп. Исаака С., въ томъ, что „умъ поглощается духомъ“. И такое состояніе называется „экстазомъ“ именно въ смыслѣ возвышенія его надъ обычнымъ порядкомъ и естественными воспріятіями, а не въ смыслѣ полной утраты человѣкомъ

¹⁾ По нашему мнѣнію, является вполне возможнымъ отождествить „экстазъ“ преп. Исаака С. съ „чистой“, созерцательной или духовной молитвой другихъ св. отцовъ-аскетовъ, ибо 1) самъ преп. Исаакъ называетъ „экстазъ“ „созерцаніемъ“, или „умнымъ видѣніемъ“; 2) различая молитву и „созерцаніе“, или „экстазъ“, св. отецъ подъ первой понимаетъ, видимо, лишь мысленное единеніе съ сверхчувственнымъ (ср. Зарина, стр. 458), а подъ вторымъ—опытное постиженіе его, т. е. усваиваетъ ему тотъ именно признакъ, которымъ другіе писатели-аскеты характеризуютъ созерцательную или духовную молитву; 3) преп. Нилъ С. „совершеннѣйшую“ молитву также называетъ „восхищеніемъ ума“ (ἀρραῖη τοῦ νοῦ) и „экстазомъ“ (ἐκστασις), отрѣшеніемъ отъ чувственнаго, и описываетъ ее совершенно такъ же, какъ и экстазъ у преп. Исаака С. (ср. тамъ же, стр. 458, прим. 80-е); 4) еп. Теофанъ, вѣроятно изъ соображеній педагогическихъ, чтобы не дать повода смѣшивать истинно-христіанскій экстазъ съ сектантскимъ экстазомъ, вообще не называетъ духовнаго восхищенія экстазомъ, а „созерцательной“ или „духовной“ молитвой, плѣненіемъ въ созерцаніе; но описываетъ подъ этимъ терминомъ (какъ мы видѣли) именно то, что преп. Исаакъ называетъ экстазомъ, и даже пользуется твореніями преп. Исаака, ср. Письма о духовной жизни, стр. 113 и сл.

²⁾ Такъ что выраженія, напр. у Исаака С. и у еп. Теофана, дающія поводъ допускать въ церковномъ ученіи безсознательный или соединенный съ помраченіемъ сознанія экстазъ,—слѣдуетъ принимать съ осторожностью и понимать не въ прямомъ смыслѣ, а какъ образныя выраженія, долженствующія приблизительно обозначить отрѣшеніе мистика отъ своей чувственной личности и неизреченное соприкосновеніе духа его съ міромъ сверхчувственнымъ.

сознательности и нормальной свободы ¹⁾. И это состояніе—предвосхищеніе, антиципація нашего будущаго прославленнаго состоянія и есть для истиннаго, т. е. духовнаго, чело-вѣка нормальное, здравое состояніе, и лишь теперь, для грѣховнаго человѣчества,—это рѣдкій даръ благодати, даруемый избранникамъ за высоту вѣры и подвига; его нельзя достигнуть внѣшне-механическими средствами или подвигами самими по себѣ, т. е. добыть искусственно, а должно лишь желать и искать его, готовя себя къ воспріятію сего благодатнаго дара усерднымъ прохожденіемъ христіанскаго подвижничества ²⁾. Слѣдовательно, и въ библейски-святоотеческомъ ученіи объ экстазѣ мы можемъ отмѣтить, какъ главнѣйшіе слѣдующіе признаки, уже указанные нами и выше: отрѣшеніе отъ чувственнаго, единеніе съ сверхчувственнымъ, неваре-ченность, предвосхищеніе будущаго прославленнаго состоянія, немеханичность (или идеальную природность), духовную здравость и сознательность. Четыре первые признака экстаза могутъ быть легко констатированы нами и у преп. Симеона Новаго Богослова ³⁾, напримѣръ, въ слѣдующемъ его опи-

¹⁾ Ср. у проф. Зарина, стр. 465—466, примѣч. 37 и 38, слова преп. Епифанія К.: „преп. Епифаній, объясняя значеніе слова „экстазисъ“ въ изреченіи псалма 115, 2, говорить, что названное слово означаетъ чело-вѣка не безумнаго, а чело-вѣка чрезмѣрно удивляющагося при размышленіи о томъ, что превышаетъ обычную мѣру наблюдаемаго и совершаемаго“; также „по словамъ преп. Епифанія Кипрскаго, ап. Петрѣ былъ въ экстазѣ не въ томъ смыслѣ, что потерялъ послѣдовательность разсудка, но въ томъ, что, вмѣсто ежедневнаго порядка, видѣлъ иное, по сравненію съ тѣмъ, что видятъ люди. Но апостолъ не былъ въ изступленіи ума“.

²⁾ При изложеніи библейски-святоотеческаго ученія о сущности экстатического состоянія мы пользовались преимущественно, кромѣ Zahn'a, вышеуказаннымъ сочиненіемъ проф. С. М. Зарина, именно VI-мъ пунктомъ III главы 2 кн. 1-го тома, стр. 460—468, гдѣ особенно цѣнными являются примѣчанія-отрывки изъ святоотеческихъ твореній въ подлинникъ, какъ и прочія примѣчанія этого капитальнаго труда о сущности православно-христіанскаго аскетизма.

³⁾ Въ твореніяхъ преп. Симеона можно указать много отрывковъ, въ которыхъ содержится описаніе религіознаго экстаза; но особенно обильный матеріалъ для этого находимъ мы въ его *Divinorum amatum liber*: это сочиненіе сплошь представляетъ собою, собственно говоря, дневникъ великаго экстастика-христіанина. Въ частности въ немъ можно указать слѣдующія мѣста, характеризующія, гл. обр., три основныя признака религіознаго экстаза: отрѣшеніе отъ міра 519 BC; описаніе экстаза вообще 520 A—C; неизреченность 522 C; 523 A—C; описаніе экстаза, какъ

саніи экстатического состоянія: „вошедши туда, гдѣ имѣлъ я обыкновеніе молиться, и начавъ „Святый Боже“, и вспо-
мнивъ слово святаго старца, — пишеть св. отецъ отъ имени одного юноши — я вдругъ заплакалъ, и въ такія пришелъ слезы, и въ такой пламень къ Богу, что не могу выразить того словомъ, ни той радости и сладостнаго утѣшенія, какія были тогда во мнѣ. Падши затѣмъ лицомъ наземъ, я *увидѣлъ нѣчто дивное*¹⁾, ибо се—*возсіялъ мысленно во мнѣ великій свѣтъ* и взялъ къ себѣ весь мой умъ и всю душу. *Изумился я такому чуду внезапному и сталъ какъ внѣ себя, забывъ и мѣсто, въ которомъ стоялъ, и что такое я, и гдѣ я,* — вопіялъ только: Господи помилуй, какъ догадался, когда пришелъ въ себя. Впрочемъ, отче мой, *кто былъ тотъ, кто говорилъ во мнѣ и приводилъ въ движеніе языкъ мой, не вѣдаю, Богъ то вѣсть,* — не вѣдаю и того, какъ соединился я съ тѣмъ свѣтомъ, *въ тѣлѣ ли бывъ или внѣ тѣла.* Вѣдаетъ сіе *тотъ самый свѣтъ*, который изгналъ и изъ души моей всю тьму и всякое земное мудрованіе, *отъялъ отъ меня всю вещественность и тяжесть тѣла* и произвелъ въ членахъ моихъ великое расслабленіе и изнеможеніе. Это изнеможеніе и расслабленіе членовъ моихъ и нервовъ было такъ сильно отъ крайняго напряженія, что мнѣ казалось, будто я слагаю съ себя бремя тлѣнія. Въ душѣ же моей онъ произвелъ *радость великую, чувство умное и сладость, высшую всякой сладости чувственной.* Сверхъ того онъ даровалъ мнѣ дивно свободу и забвеніе всѣхъ помысловъ, кои въ мірѣ, и открылъ самый способъ исхожденія изъ настоящей жизни; потому что всѣ чувства ума и души моей прилѣплены были тогда къ единому неизреченному веселію и радости отъ того свѣта. Но когда безмѣрный тотъ, явившійся мнѣ, *свѣтъ мало-по-малу умалился*, и наконецъ совсѣмъ сталъ невидимъ, тогда я *пришелъ въ чувство и позналъ, какія дивности внезапно произвела во мнѣ сила того свѣта.* Почему, испытавъ удаленіе его и видя, что онъ опять оставилъ меня одного

всещлаго единенія съ Господомъ; 526 В—D: созерцаніе Бога, восхожденіе на небо и отрѣшенность отъ тѣла; описаніе всѣхъ моментовъ экстаза 535 В—D; сосредоточенность и антиципация будущаго состоянія 543 С; лишеніе чувства и единеніе съ Богомъ 545 D—546 А; неизреченность—549 А; 550 В—D; 551 В—С и 552 В; сознательность при неизреченности—555 В и 558 В; восхищеніе надо всѣмъ, единеніе съ Богомъ, отрѣшенность отъ тѣла 565 АВ; также 595. А.

¹⁾ Курсивъ здѣсь вездѣ нашъ.

въ этой жизни, я столь много опечалился, и душа моя такъ сильно возболѣзновала о томъ, что не могу выразить тебѣ, какъ слѣдуетъ, великой скорби, которая, какъ огонь, возгорѣлась тогда въ душѣ моей. Если можешь, отче мой, самъ вообрази и болѣзнь разлученія того, и высоту великаго онаго благодѣянія, и безмѣрную любовь, явленную мнѣ и возгорѣвшуюся во мнѣ; а не могу ни языкомъ сказать, ни умомъ понять безмѣрность онаго видѣнія. Я—говорить преп. Сименъ — сказалъ ему: нѣтъ, всечестный отче и брате! Ты изобрази мнѣ дѣйствія того свѣта, который явился тебѣ. И онъ, сладкій, исполненный Духа Святаго и сподобившійся такого видѣнія, отвѣтилъ мнѣ кратчайшимъ и медорѣчимымъ гласомъ: „о, отче! Свѣтъ оный, когда является, веселитъ, а когда скрывается, оставляетъ рану и болѣзнь въ сердцѣ. Приходя или нисходя на меня, онъ возводитъ меня на небеса, одѣвая и меня свѣтомъ. Онъ является мнѣ, какъ ночная звѣзда, и есть невмѣстимъ для всей твари: сіяетъ какъ солнце, — и мнѣ понятно, какъ вся тварь держится силою его. Онъ показываетъ мнѣ все, что есть въ твореніи, и *повелеваетъ мнѣ не заходить за предѣлы человѣческаго естества*. Меня объемлютъ кровля и стѣны, а онъ отвергаетъ мнѣ небеса. Поднимаю чувственные очи мои, чтобы посмотреть, что есть на небѣ, и вижу, что тамъ все такъ же есть, какъ было прежде. Удивляюсь этому,—и слышу свыше гласъ, таинственно говорящій мнѣ: „то, что видишь теперь, есть *таинственное предъизображеніе будущаго благо*, которыхъ, совершенно какъ они есть, не увидишь, пока носишь плоть. Но *возвратись въ себя самого*, и смотри, чтобы не сдѣлать чего-либо такого, что можетъ лишить тебя благо, которыя сподобился ты получить. Если же и погрѣшишь когда, въ наученіе смиренію, позаботься не бѣгать покаянія; потому что покаяніе вмѣстѣ съ Моимъ челоуѣколюбіемъ, изглаждаетъ и прежніе, и настоящіе грѣхи“ (сл. 86, All. XVI, II, 437—439). А теперь посмотримъ, какъ преп. Симеонъ понимаетъ суть подлиннаго экстаза и какъ опредѣляетъ его отношеніе къ экстазу ложному, т. е. какъ преп. отецъ трактуетъ остальные признаки подлиннаго, библейски-святоотеческаго экстаза, именно—его духовную здравость, идеальную природность и присущую ему сознательность? Данныя для этого находимъ въ словѣ 45-мъ, пунктѣ 10-мъ (по еп. Теофану, I, 402—419, а у All. XLVII), гдѣ говорится о

томъ, что „святые по воскресеніи будутъ знать одинъ другого“; именно здѣсь мы читаемъ такое разсужденіе: „тѣ, которые говорятъ, что святые не будутъ видѣть и знать другъ друга, когда сподобятся лицезрѣнія Божія, поистинѣ во тьмѣ ходятъ: еще не пришли въ общеніе съ Богомъ и не познали истинно Бога, но говорятъ и утверждаютъ то, чего не познали и въ созерданіи чего никогда не приходили. Они говорятъ, что святые будутъ *находиться тогда какъ бы въ экстазѣ, въ нѣкоемъ восхищеніи, какъ и здѣсь они иногда приходятъ въ такое божественное восхищеніе*, и забудутъ и себя самихъ и всѣхъ другихъ, находящихся съ ними. И видно изъ такихъ словъ ихъ, что они худо понимаютъ Божественное Писаніе, когда полагаютъ, что у святыхъ будетъ тогда такое же измѣненіе и восхищеніе, какое бываетъ у нихъ и здѣсь. Слыша, что когда такой-то святой пришелъ въ созерданіе Бога, то восхитился умъ его, и онъ столько и столько дней и ночей провелъ, совершенно не помня ничего земного, но вмѣстѣ со всѣмъ другимъ забылъ и собственное свое тѣло, пребывая пригвожденнымъ къ созерцанію оному всей душою и всѣми чувствами,—слыша, говорю, объ этомъ, они полагаютъ, что нѣчто подобное будетъ и въ другой жизни въ Царствіи Небесномъ, совершенно не понимая божественныхъ и духовныхъ вещей, и невидимыхъ таинствъ невидимаго Бога, недомыслимыхъ и недоступныхъ знанію непросвѣщенныхъ. Невѣдомо имъ, что *такое восхищеніе ума бываетъ не у совершенныхъ, но у новоначальныхъ*. Какъ родившійся во мрачной темницѣ, освѣщаемой слабымъ свѣтомъ малаго свѣтильника, съ трудомъ и неясно видитъ находящееся въ темницѣ его, совѣмъ не зная, что внѣ темницы той есть свѣтъ солнца и множество другихъ прекрасныхъ вещей и твореній Божіихъ, входящихъ въ составъ видимаго міра; такъ и находящійся еще въ мрачной темницѣ страстей и чувствъ міра сего, если бываетъ просвѣщенъ малымъ нѣкимъ вѣдѣніемъ (отъ Божественнаго Писанія), съ трудомъ, мало и темновато представляетъ таинства вѣры нашей, а о вѣчныхъ Божіихъ сокровищахъ, о томъ, каковы тѣ блага, которыми будутъ наслаждаться святые въ будущей жизни, совершенно никакого понятія не имѣетъ. И какъ находящійся въ темницѣ,—если среди многихъ проводимыхъ имъ тамъ лѣтъ, какъ нибудь случайно откроется небольшая трещина въ кровлѣ темницы, и онъ внезапно увидитъ,

сколько позволяет величина трещины, свѣтъ небесный, котораго никогда дотолѣ не видывалъ и не воображалъ,—вдругъ приходитъ въ изступленіе, и какъ бы внѣ себя находясь, долгій часъ во всѣ глаза смотритъ вверхъ и дивится внезапно открывшемуся ему зрѣлищу; такъ и тотъ, кто освобождаясь отъ узъ страстей и чувствъ, внезапно придетъ въ созерцаніе умнаго свѣта, вдругъ бываетъ пораженъ и объятъ удивленіемъ, и тѣмъ, которымъ неизвѣстно такое состояніе, почитается вышедшимъ изъ себя, тогда какъ онъ весь сосредоточился въ себѣ умомъ и изумляется этому свѣтлому видѣнію, котораго сподобился. И опять, какъ находящійся въ темницѣ,—если часто и каждаячасть смотритъ въ отверстіе то, отъ долговременнаго пребыванія въ такой свѣтлости, привкаетъ къ свѣту тому, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу умалняется его первое великое изумленіе (какъ то самое имѣетъ мѣсто и въ насъ въ отношеніи къ солнцу: привыкли мы каждый день видѣть его и думаемъ, что оно—вещь не такая, чтобы ему отдавать все вниманіе. Но если предположить, что мы, со времени рожденія доселѣ, никогда не видавши солнца, нынѣ только вдругъ увидѣли бы его предъ глазами своими, то, конечно, отъ великаго изумленія мы вышли бы изъ себя и стали безгласны), такъ и душа, мало-по-малу преуснающая въ духовномъ и привыкающая къ умному свѣту, не поражается уже такъ сильно умнымъ свѣтомъ, какъ это было въ первый разъ; потому что по сему малому видимому ею свѣту заключаетъ, что есть и еще свѣтъ болѣе совершенный. И опять еще, какъ онъ, отъ рожденія заключенный въ темницѣ, по причинѣ малаго видимаго имъ свѣта начинаетъ, спустя долгое время, понимать, что дѣйствительно находится въ темницѣ, и что внѣ этой темницы есть дивныя нѣкія вещи, о которыхъ онъ не можетъ составить себѣ представленія, что онѣ такое суть; но когда высвобождается и выйдетъ изъ темницы, то видитъ и свѣтъ весь и все находящееся въ этомъ свѣтѣ;—такъ, полагай, бываетъ и съ человѣкомъ, который сначала немного вышелъ изъ узъ плоти и сталъ внѣ этого міра и всѣхъ видимыхъ вещей. Представъ въ умѣ своемъ, что весь этотъ міръ есть мрачная, безсвѣтная темница, и что свѣтъ нашего солнца есть то же, что свѣтъ малаго свѣтильника, который слабо освѣщаетъ всѣхъ, находящихся въ этой темницѣ, а внѣ его—*Трѣпностасный Свѣтъ высшій всякаго свѣта, всякаго слова и разума, не-*

изреченный, недомыслимый и непреступный, освѣщающій все такое, что невидимо, невѣдомо и неизъяснимо для находящихся въ темницѣ міра сего... Итакъ, когда мы со всѣмъ рвеніемъ, со всею вѣрою и любовью взыщемъ не того, чтобы увидѣть тотъ свѣтъ, что внѣ сей темницы міра, и тѣ вещи, что находятся въ томъ свѣтѣ и въ томъ мірѣ (ибо никто еще изъ взыскавшихъ таковое не сподобился и никогда не сподобится узрѣть то); но взыщемъ напередъ сохранить заповѣди Божіи, покаяться, сокрушиться и смириться: тогда откроется и для насъ какъ бы малое нѣкое отверстіе въ этомъ видимомъ кровѣ небесномъ, а чрезъ него покажется нѣсколько и невещественный оной и мысленный свѣтъ, сущій превыше небесъ,—который какъ только увидитъ душа, вся приходитъ въ восхищеніе, и стоитъ пораженная видѣніемъ сего новаго и преславнаго чуда, никогда невиданнаго ею дотола; будучи же восхищена на небо, нудится пребыть тамъ, углубляясь мыслию въ недомыслимый оный свѣтъ, яко невечерній и непрестающій, и погружаться въ созерцаніе его день и ночь, и желанія уже не имѣетъ опять возвратиться въ темницу міра и смотрѣть на вещи, которыя въ немъ. И вотъ это-то созерцаніе, какъ я сказалъ, есть созерцаніе новоначальныхъ, которые недавно вышли на подвигъ добродѣтелей. Но когда человекъ пребудетъ долгое время въ такомъ созерцаніи онаго свѣта, не возвращаясь вспять въ міръ, тогда отвергается ему небо-ли, или око сердца его, т. е. умъ,—не можетъ онъ того сказать опредѣленно,—отвергается, говорю, умъ-ли паче, или небо, и свѣтъ оный входитъ внутрь души его, свѣтъ пресвѣтлый и предивный, и просвѣщаетъ его соразмѣрно съ тѣмъ, сколько можетъ вмѣщать его человѣческое естество, или сколько онъ того достоинъ. Если онъ пребудетъ въ семъ свѣтѣ, то и свѣтъ сей пребудетъ въ немъ, которымъ будучи просвѣщаемъ, онъ будетъ узрѣвать и домыслять таинство за таинствомъ, и чудо за чудомъ, восходя отъ созерцанія къ созерцанію, что все если-бъ кто изъ таковыхъ восхотѣлъ описать, не достало бы ни бумаги, ни чернилъ, и времени, думаю, не достало бы изложить все подробно. Истиннѣе же сказать: какъ можно описать или пересказать то, чего нельзя выразить словомъ, какъ неизреченное и неизглаголанное? Находясь же въ семъ свѣтѣ, или, лучше сказать, съ симъ свѣтомъ, онъ не какъ въ изступленіи бываетъ, но видитъ и себя самого и то, что окрестъ его, т. е. видитъ, въ какомъ состояніи самъ находится, и въ

какомъ состояніи находятся другіе; также онъ предъзнаетъ и предсказываетъ, что когда выйдетъ изъ этой темницы міра и тѣла,—и особенно по воскресеніи,—тогда всеконечно увидитъ и невечерній оный свѣтъ, сколько возможно будетъ ему увидѣть его, и блага, сущія въ немъ, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша (1 Кор. II, 9). Но поелику онъ узритъ и ихъ такъ, какъ они суть уготованы отъ Бога любящимъ Его и ими восприняты; то очевидно, что со вступленіемъ въ свѣтъ оный мы не лишимся способности познавать и видѣть другъ друга, но, вкусивъ осіяніе онаго и созерцанія свѣта онаго чистѣйшаго, какъ Бога будемъ знать и видѣть, такъ и другъ друга, въ чистѣйшемъ и неизреченномъ веселіи и радованіи во вѣки вѣковъ“ (Еп. Теофана, переводъ словъ преп. Симеона I, 413—418).

Итакъ, все ученіе преп. Симеона объ истинномъ, или подлинномъ экстазѣ, устанавливаемомъ на основаніи точно опредѣленныхъ и несомнѣнныхъ критеріевъ, можетъ быть сформулировано въ такихъ краткихъ положеніяхъ: 1) преп. Симеонъ указываетъ, какъ основные, три признака экстатического состоянія, именно реальное единеніе съ сверхчувственнымъ, полное отрѣшеніе отъ чувственного и неизреченность,—и трактуетъ экстазъ, какъ предвосхищеніе будущаго состоянія; 2) суть подлиннаго экстаза, по возрѣнію преп. Симеона, „восхищеніе“ ума въ смыслѣ удивленія, изумленія отъ необычности зримаго, а не въ смыслѣ утраты сознанія, при чемъ это восхищеніе, естественно,—особенно сильно у новоначальныхъ мистиковъ, и лишь неопытными „внѣшними“, принимается какъ „выхожденіе изъ себя“, иступленіе ума, тогда какъ это есть лишь высшая степень умственной сосредоточенности; 3) наконецъ подлинный, благодатный экстазъ, какъ высшее изъ доступныхъ человѣку на землѣ состояній, какъ предображеніе будущаго прославленнаго состоянія, слѣдов.,—состояніе духовно-здоровое и нормальное для идеальнаго человѣка,—постепенно достигается человѣкомъ, по мѣрѣ успѣха въ духовномъ возрастаніи, и вообще, а на высшихъ своихъ ступеняхъ въ особенности (напр. въ будущемъ вѣкѣ), соединяется съ полнымъ самосознаніемъ человѣка, представляя собою не уничтоженіе или уничтоженіе сознанія, а возвышеніе, расширеніе и просвѣтленіе его.

Какъ извѣстно и какъ можно замѣтить уже изъ вышеприведенныхъ нашихъ замѣчаній о сущности экстаза, этотъ

последній находится въ тѣсной связи съ половой сферой человѣка, ближайшимъ образомъ—съ фактомъ полового воздержанія (полнаго или частичнаго—въ данномъ случаѣ это несущественно), съ отсутствіемъ сексуальной активности, при ея возможности: „древнее преданіе о томъ, что полное воздержаніе отъ половой жизни есть нѣчто святое, не получило бы въ христіанской Церкви толчка къ новой жизни, еслибъ опытъ не доказалъ, что это воздержаніе не только освобождаетъ человѣка отъ заботъ о житейскомъ, но что человѣкъ при неудовлетворенномъ половомъ влеченіи болѣе возбудимъ въ религіозномъ отношеніи“—говоритъ уже извѣстный намъ Beck въ своемъ изслѣдованіи „Die Ekstase“ (S. 121), при чемъ въ другомъ мѣстѣ дѣлаетъ къ этому характерное добавленіе: „замѣчательно, пишетъ онъ, что экстатическое переживаніе чаще находится въ связи съ женскимъ, чѣмъ съ мужскимъ сексуальнымъ чувствомъ—даже у мужчинъ, которые, вѣдь, въ извѣстной степени обладаютъ также способностью женственнаго сексуальнаго чувства: предпочтеніе же женственныхъ чувствованій объясняется здѣсь тѣмъ, что могучій моментъ экстаза, именно—отказъ отъ своего „я“, отъ своей воли, и врученіе себя кому-то крѣпчайшему и сильнѣйшему, находятъ здѣсь свое выраженіе“ (S. S. 52—53). Подобныя же мысли находимъ мы и у Leuba¹⁾, который, опредѣляя экстазъ—это *sanctum* мистической жизни, какъ „любовный трансъ“ (*transe amoureuse*), такъ развиваетъ свои положенія: важное значеніе для объясненія мистическаго экстаза имѣетъ половое воздержаніе мистиковъ; сексуальная энергія не находитъ себѣ обычнаго выхода, пребываетъ въ скрытомъ состояніи (*en sourdine*) и производитъ свойственные душевной жизни мистиковъ эксцессы; при этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что сексуальный организмъ можетъ пробуждаться къ активности и безъ того, чтобы субъектъ его давалъ себѣ ясный отчетъ о происхожденіи внутренняго пріятнаго волненія. Все это уполномочиваетъ Леуба, по его мнѣнію, признать мистиковъ, въ извѣстной степени, „эротоманами“. Но, высказывая такой приговоръ о мистикахъ, изслѣдователь пытается ограничить свое утвержденіе двумя оговор-

¹⁾ См. *Tendances religieuses chez les mystiques chrétiens*, *Revue philosoph.* 1902, LIV, pp. 460—468. Ср. также „Вопросы философіи и психологіи“ кн. 75-я, 1904 г., отчетъ о статьѣ Brenier de Montmorand. *L'érotomanie des mystiques chrétiens*, стр. 746.

ками въ пользу мистиковъ: во-первыхъ, онъ защищаетъ мистиковъ отъ возможныхъ обвиненій—„но мистиковъ не должно поносить, говоритъ онъ, имъ слѣдуетъ удивляться: это больныя души, но отважныя и благородныя, дерзающія отвергнуть самыя сильныя притязанія природы и стремящіяся освободиться отъ плѣна похоти; ихъ отказъ не простой капризъ, но стремленіе остаться вѣрными велѣніямъ нравственнаго закона; они—крайніе борцы за христіанскую тенденцію сохраненія плотской чистоты“;—во вторыхъ же, указываетъ въ мистическихъ наслажденіяхъ, особенно высшихъ ступеней, кромѣ сексуальной жизни, еще иной производящій факторъ, именно—мускульное напряженіе, которое можно констатировать почти всегда на высшихъ ступеняхъ экстаза, такъ что должно признать, что органическое наслажденіе, при высшей степени напряженія, можетъ быть совершенно независимымъ отъ сексуальной активности (— р. 468).

Если православному мыслителю, конечно, нельзя раздѣлить взглядовъ, которые высказываютъ Besk и Leuba, то ихъ все же слѣдуетъ принять во вниманіе, какъ попытки 1) научно установить связь экстаза съ сексуальной областью и 2) дать этому факту посильныя объясненія ¹⁾. Теперь намъ интересно посмо-

¹⁾ Также указаніе на связь экстаза съ половой сферой мы находимъ у г. Коновалова, въ его книгѣ „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Часть I, вып. I: Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза. Сергіевъ Посадъ, 1908 г.“, стр. 72 примѣчаніе 1-е и стр. 115—116, примѣчаніе 2-е: „возбужденіе полового инстинкта въ связи съ религіозной экзальтаціей и вообще съ молитвеннымъ подвигомъ—общезвѣстный фактъ, но до сихъ поръ не достаточно разъясненный“. Художественное дѣланіе молитвы Иисусовой—говоритъ еп. Теофанъ Затворникъ—„иного ввергаетъ въ прелесть мечтательную, а иного, дивно сказать, въ постоянное похотное состояніе“ (Собр. писемъ. М. 1901, т. 7, стр. 87 и т. 2, стр. 65, 195). По его же словамъ, теплота („теплое чувство“), сопровождающая сосредоточенную въ сердцѣ молитву, нерѣдко соединяется „съ сластью похотною“ (Собр. писемъ, Тамбовъ, 1897, 317—319). Еще ссылка на сочиненія еп. Игнатія Брянчанинова, т. 2, Спб. 1865, стр. 354, и указана прочая иностранная и русская литература, стр. 72.—Но, съ другой стороны—„фактъ угнетающаго вліянія на религіозный экстазъ плотскаго грѣха“ констатируется многими показаніями сектантовъ-мистиковъ. Несомнѣнно, что отрицательное отношеніе хлыстовъ и другихъ сектантовъ-мистиковъ къ браку и вообще къ половому сожитію мужчины и женщины, а также и брезгливое отношеніе къ дѣторожденію стоятъ въ тѣсной связи съ даннымъ наблюденіемъ“, стр. 115—116.—Здѣсь же можно привести указанія Besk'a и Коновалова на тѣ фیزیологическія и вообще *тѣлесныя*

трѣть—можно ли найти какія-либо данныя для установленія этой связи въ твореніяхъ преп. Симеона и, главное, если они будутъ найдены,—какъ ихъ объяснить съ точки зрѣнія святоотеческой религіозной философіи?—Въ словѣ IV-мъ Оптинскаго изданія 12-ти словъ преп. Симеона (—Migne gr. XXVIII 455 A—464 C), озаглавленномъ: „О томъ, чтобы убѣгать растлѣнныхъ и зловредныхъ людей и удаляться бесѣдъ ихъ и возбуждать себя къ дѣланію добродѣтелей...“ и т. д. (стр. 51—69), мы читаемъ такія слова преп. автора: „ибо какъ

явленія, которыя сопровождаютъ натуральный и патологическій экстазъ: по Бекъ'у—1) явленія, касающіяся равновѣсія: часто во время экстаза исчезаетъ сознаніе тяжести собственнаго тѣла, а въ экстатическомъ состояніи сильнаго напряженія экстатику кажется, что онъ совершенно утратилъ вѣсъ и готовъ летѣть, а иногда наблюдателямъ кажется, что экстатикъ свободно поднимается надъ землею. Бекъ пытается дать этому явленію объясненіе съ точки зрѣнія своей гипотезы о сущности экстаза, какъ возвращенія въ состояніе прасознанія: въ экстазѣ обновляются какіе-то нервныя процессы, которые соединены съ освобожденіемъ тѣла отъ его вѣса... Нельзя а priori сказать, что среди центральныхъ нервныхъ органовъ нѣтъ остатковъ, которые когда-то служили для передачи ощущеній равновѣсія, а теперь или служатъ другимъ цѣлямъ, или рудиментарны...: въ экстазѣ же чрезъ центральное возбужденіе пробуждается прежнее ощущеніе „отсутствія вѣса“; 2) очень часто, хотя и не всегда, экстазъ соединяется съ *воспріятіями свѣта*...; 3) по примѣру зрѣнія, и прочія чувства—*слуха, вкуса, обонянія*—при экстазѣ функционируютъ не какъ, какъ въ нормальномъ состояніи...; наконецъ, 4) *общее чувство* экстастика также опредѣляется не обычно, именно—въ силу особыхъ измѣненій его кожныхъ мускуловъ, въ силу особой ихъ иннервации во время экстаза, у экстастика является представленіе, что онъ освобождается отъ тѣлесныхъ оковъ и начинаетъ обладать новымъ небеснымъ тѣломъ (Die Ekstase, ss. 60—74). У Коновалова же имѣются такія данныя, касающіяся—правда—тѣлесныхъ явленій сектантскаго экстаза: эти явленія „въ ихъ послѣдовательномъ развитіи образуютъ три главныхъ періода. *Первый* періодъ характеризуется, по преимуществу, возбужденіемъ органическихъ функцій, *второй*—двигательнымъ возбужденіемъ, *третій*—возбужденіемъ функцій рѣчи“, стр. 4. Къ *первому* періоду относятся—1) возбужденіе кровеносной системы... 2) возбужденіе секреторной функціи—потъ, слезы...; 3) возбужденіе дыханія...; 4) возбужденіе пищеварительнаго аппарата—внутренностей, напр. трепетаніе въ животѣ, что иногда является слѣдствіемъ возбужденія такъ называемаго „солнечнаго сплетенія“,—стр. 55. Ко *второму* періоду относятся различнаго характера экстастическія движенія—1) общія дрожательныя движенія, 2) мѣстныя движенія, напр., лица, глазъ, плечъ и т. п., стр. 151, 3) локомоторныя движенія—ходженіе, бѣганье, прыганье, верченіе и пр. Къ *третьему* же періоду относится возбужденіе функціи рѣчи—стр. 256.

одежду, измазанную грязью и всю оскверненную какой-либо нечистотою, иначе невозможно очистить, если не мыть въ водѣ и не стирать ее долго; такъ и ризу душевную, оскверненную тиною и гноемъ грѣховныхъ страстей, иначе отмыть нельзя, какъ только многими слезами и перенесеніемъ искушеній и скорбей. У насъ существенно два истеченія изъ тѣла, т. е. слезы, истекающія сверху, и сѣменная влажность; послѣдняя оскверняетъ душу, когда истекаетъ противъ естества и закона; а первыя очищаютъ ее, когда бываютъ отъ покаянія. Потому и должно тѣмъ, которые осквернили душу чрезъ беззаконное совершеніе грѣха и страстное движеніе сердца и начертали въ ономъ образы безсловесныхъ похотей,—очищаться многими слезами, дабы стяжать чистѣйшую душевную ризу: иначе невозможно увидѣть Бога, Самаго Сущаго Свѣта, Иже просвѣщаетъ сердце всякаго чловѣка, грядущаго (Іоан. I, 9) покаяніемъ узрѣть Бога“ (стр. 59; Mg. 459—460 А, при чемъ еще прибавлено: *siquidem mundi corde Deum vident*).—Если здѣсь подъ словомъ „эротоманія“ понимать не патологическое душевное состояніе, одинъ изъ видовъ „паранойи“ или „первичнаго сумасшествія“, которое, очевидно, не можетъ имѣть ничего общаго съ истиннымъ мистическимъ воспріятіемъ, а способность нѣкоторыхъ нѣжнѣйшихъ и наиболѣе глубокихъ эмоцій особымъ образомъ, именно—при условіи полового воздержанія, воздѣйствовать на половые центры, то можно, на основаніи приведеннаго мѣста изъ твореній преп. Симеона, объяснить *основаніе для нѣкотораго сближенія* истинныхъ мистиковъ съ эротоманами и осудить склонность иныхъ ихъ смѣшивать, всецѣло отождествлять. Дѣло въ томъ, что для мистика, особенно на первыхъ ступеняхъ мистическаго подвига, по ученію преп. Симеона, существенно необходимы слезы, которыя, „очищая сердце и дѣлая оное храмомъ и обителью Св. Духа“, стоятъ, по свидѣтельству того же преп. Симеона, въ нѣкоемъ тѣсномъ отношеніи къ половой жизни мистика, именно — онѣ находятся какъ-бы въ прямомъ соотношеніи съ сѣменной влажностью и, имѣя съ нею какъ-бы одинъ общій источникъ, служатъ для энергіи, направленной на половую жизнь, сперва средствомъ разряженія, а затѣмъ — и облагороженія, одухотворенія, преображенія: онѣ „очищаютъ“ душу отъ плотской скверны, т. е. отъ порабошенія ея нечистыми помыслами, которые находятъ пищу въ безпорядочныхъ половыхъ стремле-

ніяхъ; слѣдов., очищеніе ¹⁾ это заключается собственно въ томъ, что *духовная энергія*, прежде слѣпая и потому ложно направленная на (обычно слишкомъ интенсивное и беззаконное) служеніе половымъ инстинктамъ; теперь чрезъ воздержаніе и покаяніе осмысляется, дѣлается зрячей, преобразуется и переводится на идеальное служеніе—служеніе цѣлямъ мистическихъ созерцаній. Такимъ образомъ, *никакъ нельзя отождествлять подлинное мистическое воспріятіе съ состояніемъ эротоманіи*, ибо 1) эротоманія, въ собственномъ смыслѣ слова,—состояніе патологическое, а мистическое воспріятіе—состояніе идеально-здоровое; 2) эротоманъ всецѣло отданъ интересамъ часто извращеннаго полового чувства, съ совершеннымъ забвеніемъ о приматѣ духа и о святости тѣла христианина, православный же мистикъ—прежде всего усердный богозритель, все подчиняющій интересамъ богозрѣнія и переживающій при этомъ психическія состоянія, соприкасающіяся съ сексуальной сферой, только въ силу того, что всѣ психическія переживанія человѣка связаны другъ съ другомъ и что мистическое воспріятіе, отличаясь характеромъ всецѣлости и захватывая „всего“ человѣка, который, вѣдь, по природѣ своей—духовнотѣлесенъ, лишь постепенно проникаетъ его собою, постепенно его преобразуетъ.

На этомъ можно покончить разсмотрѣніе третьяго и послѣдняго изъ намѣченныхъ нами пунктовъ въ апологіи мистическаго воспріятія,—пункта о критеріяхъ подлиннаго мистическаго воспріятія въ отличіи его отъ ложныхъ видѣній, натурального и патологическаго экстазовъ и эротическихъ возбужденій.

Теперь мы имѣемъ весьма обстоятельные и глубоко обоснованные отвѣты преп. Симеона Новаго Богослова ²⁾ на всѣ

¹⁾ Ср. проф.-прот. С. А. Соллертинскій. Пастырство Христа Спасителя, стр. 279—280: „Спаситель комментаріямъ кротости предпосылаетъ слово Ветхаго и Новаго Завета о любодѣяніи...; Спаситель указалъ на первоначальный моментъ и на главную причину, благодаря которой въ человѣкѣ достигается стремленіе къ стихійной жизни, стремленіе сражаться“.

²⁾ Полагаемъ, что здѣсь будетъ уместно отмѣтить, какъ преп. Симеонъ Н. Б. объясняетъ нападки на мистику и какъ оцѣниваетъ ея отрицаніе. Преп. Симеонъ говоритъ, что вообще люди отрицаютъ мистическій опытъ по причинѣ своего невѣрія, развращенія сердца и зависти (сл. 80, All. LV, II, 339—341); вообще по страстности (сл. 84, All. L, II, 397—398; ср. II, 561—562, гл. 161=Mg. 642 D), по гордости (сл. 87, All. LXVI, II, 450) и самомнѣнію (гл. 118, II, 545—546=Mg. 661—662 A), въ

три приведенные въ началѣ нашего изслѣдованія, поставленныя проф. Ал. Ив. Введенскимъ, вопроса относительно возможности православно-христіанской мистики: св. отецъ какъ бы такъ отвѣчаетъ на нихъ, если постараться кратко формулировать суть его отвѣтовъ,—1) истинный христіанинъ не только можетъ, но и непременно долженъ быть настоящимъ мистикомъ, имѣть въ себѣ живо и ощутительно Христа-Бога и въ Немъ и чрезъ Него зрѣть Бога Трѣипостаснаго; 2) если не всѣ, по своей грѣховной немощи, могутъ здѣсь на землѣ быть мистиками, то всѣ, ищущіе во Христѣ спасенія, могутъ и должны быть сознательными мистическими; 3) наконецъ, существуютъ твердые критеріи для несомнѣннаго установленія подлинности мистическаго воспріятія, дающіе возможность отличить его отъ продуктовъ разстроеннаго, или просто недисциплинированнаго, воображенія и отъ состояній натуральнаго и патологическаго экстаза и эротоманіи.

Священникъ Павелъ Амніевъ.

особенности же по высокому мѣрѣ о своей внѣшней учености (сл. 84, II, 397—398), по увлеченію „внѣшней премудростію обюродѣвшей“ (гл. 117, II, 545—Mg. 659—660 D). Отрицатели мистики, дѣйствительности и подлинности мистическаго опыта,—не только говорятъ о томъ, чего сами не познали опытно (ср. сл. 83, All. LP=II, 392—393; ср. II, 335), но и, забывая, что духовное вѣдѣніе внѣшнему не можетъ быть доступно (сл. 49, I, 442—443—Mg. 19 ог., 401B—401D), весьма поспѣшно отрицаютъ это духовное, „невѣданное“ для нихъ (ср. сл. 69, II, 200—Mg. 33 ог., 505 C), „по собственному своему состоянію судя и о томъ, что касается ближнихъ“ (гл. 57, II, 524 = Mg. 629 — 630 A). Что касается оцѣнки такого отрицанія, то преп. Симеонъ называетъ отрицающихъ мистику „еретиками“ (см. сл. 47, I, 427—428—Mg. 30 ог., 472 D—473 A) и, даже болѣе, отступниками отъ сущности христіанства: онъ говоритъ, что это — „крайнее нечестіе, паче нежели ересь..., низверженіе всего воплощеннаго домостроительства Господа нашего Иисуса Христа и явное отверженіе обновленія образа Божіа“ въ человѣкѣ, сл. 64, All. XXXII, II, 125—127.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки